

ИСТОРИЯ РОССИИ

О.Н. Мухин

ПЕТР I И «ЖЕНСКИЙ ВОПРОС»: ВЛАСТЬ И ГЕНДЕР В РОССИИ XVIII ВЕКА

Томский государственный университет

В «женской истории» распространено мнение, что традиционная историческая хронология не адекватно отражает изменения в положении женщин, и потому требуется особая «женская хронология». Представляется, что это далеко не всегда так. XVIII в. и в особенности петровская эпоха в истории России, пожалуй, одна из тех опорных точек, где эти две линии сходятся. Хорошо известно, что реформы Петра прямым образом коснулись и женщин, в немалой степени изменив их положение в российском обществе. Однако эти изменения носили далеко не однозначный характер и имели целый ряд скрытых от поверхностного взгляда мотивов и пластов.

Принято считать, что Петр «освободил» женщин из затворнической жизни и вывел в свет, но при пристальном рассмотрении картина вырисовывается далеко не столь однозначной, хотя одно можно констатировать уверенно: положение русских женщин в послепетровской России коренным образом изменилось, чему яркой иллюстрацией служит весь XVIII в. Как и все преобразования Петра, его отношение к «женскому вопросу» носило явственный отпечаток психологически нестандартной личности царя-реформатора, поэтому разобраться в этой ситуации можно лишь на основе методологического синтеза, т.е. анализируя имеющийся исторический материал под перекрестным прицелом наработок из смежных социогуманитарных дисциплин – психологии, социологии, культурологии, филологии (в особенности семиотики).

Личные отношения Петра с женщинами носили явный невротический характер, что было обусловлено как детскими психическими травмами, связанными с потрясениями стрелецкого бунта 1682 г., последовавшей опалой его семьи, породившими у него базовое недоверие (по терминологии Э. Эриксона [1]), так и опытом общения с женщинами. Как известно, Петр был женат фактически против его воли, по выбору матери в том возрасте, когда целиком был поглощен потешными играми, заменявшими ему все реалии ненавистной официально-государственной деятельности. Его жена, Евдокия Лопухина, в глазах супруга полностью олицетворяла старорусскую идентичность, изменить, модерни-

зировать которую было главным желанием Петра с юного возраста. Э. Лефstrand пишет: «Она была отсталой и набожной и обладала всеми мыслимыми старомодными добродетелями» [2, с. 200].

Одновременно Петр встречает женщину, которая более отвечала его запросам, ориентированным на европейские образцы поведения – с 1698 г. он открыто живет с Анной Монс. Он даже хотел сделать ее царицей, но в 1702 г. выясняет, что Анна изменяла ему с саксонским посланником. Это больно ударило Петра по чувствительному месту – его недоверию к людям и болезненной жажде верности. Характерно, что, после того как Анну на долгие годы посадили под домашний арест, Петр долго и сильно переживал и помнил о ней годы до появления Марты Скавронской [3, с. 30].

По многочисленным свидетельствам, Петр сильно и искренне любил Екатерину, недаром он вопреки всем мыслимым канонам женился на ней, безродной крестьянке, и позже короновал императрицей. Но здесь очень остро проявилась невротическая сторона личности Петра. Согласно К. Хорни, одной из показательных черт невротического характера являются неупорядоченные сексуальные связи, так как невротик все время пытается найти успокоение в любви, одновременно не веря в нее и потому оставаясь ненасытным [4, с. 120]. Петр, даже имея рядом горячо любимую супругу, был весьма охоч до женщин, его окружал небольшой гарем из фавориток и «метресс» – девиц легкого поведения, причем Екатерина хорошо знала об этом. Есть даже некоторые данные, что Петр не брезговал и мужчинами [3, с. 30], а по К. Хорни, гомосексуализм еще более характерное свидетельство невротической потребности в любви, демонстрирующее полную неразборчивость и неумность в выборе партнеров [4, с. 121].

На этом фоне еще ярче проявляется и психологическая нестандартность Петра, его невротизм в том, что, будучи сам не способен на верность, он безоговорочно ждал верности от окружающих его женщин. Считается, что одним из факторов, ускоривших его смерть, стала измена Екатерины с Вильямом Монсом в 1724 г. [3, с. 31]. Для Петра это был страшный удар, хотя Екатерина просто однажды попро-

бовала сделать то, что проделывал Петр на протяжении многих лет. Ирония судьбы – измена супруги окончательно подкосила здоровье Петра, давно подточенное заболеванием мочевого пузыря и мочеточного канала, полученным вследствие не вылеченной венерической болезни [3, с. 31] – печати нездоровых наклонностей.

Но, пожалуй, более ярко эти черты характера Петра проявились в истории с затворницей Евдокией, первой женой. В ходе следствия по делу царевича Алексея в 1718 г. выяснилось, что Евдокия после восемнадцати лет изоляции влюбилась в некоего капитана Глебова: следователь обнаружил пачку страстных писем, которыми они обменивались. Петр был глубоко травмирован этим, его неожиданно охватила ревность. Он полагал, что даже брошенная в монастырь Евдокия должна была хранить ему верность. Глебова пытали и казнили, а Евдокия была сослана в монастырь еще дальше, в приладожские леса [2, с. 200].

Каким же образом все эти перипетии личной жизни Петра сказывались на изменении положения женщин в России? Принято считать, что Петр вывел женщин в общество. При этом не следует забывать, что закрепощение женщин не было повсеместно распространено в России. Как наглядно показала Н.Л. Пушкарёва, теремное затворничество было свойственно лишь элите столичного российского общества [5]. Вообще, складывается впечатление, что частная жизнь на Руси мало зависела от церковной идеологии, скорее, она регулировалась некими патриархальными обычаями: ничто не мешало женщинам выйти за общепринятые рамки, никакая христианская мораль. Другое дело, что они редко на практике совершали что-либо подобное, так как их ограничивало общество (светское, а не церковное), и прежде всего его мужская часть. Можно сказать, что господствовал прагматизм: общество могло мириться с адюльтером, внебрачным сожительством, даже с социально-неравным, побочными семьями, но только не с официальной регистрацией мезальянсов [5, с. 28]. То есть в сознании господствовали традиционные устои больше, чем идеологические установления. Показательно здесь и отсутствие упорядоченности в законодательных нормах вокруг частной жизни.

Исследователи часто отмечают, что русской традиционной культуре присуще главенство женского начала. В.И. Мильдон на примере сказок показал, что женщина в представлениях русского народа – носитель активного, светлого начала, тогда как мужской мир сумрачен и «вечерен» [6, с. 133]. Часто в поворотных моментах сюжета мужчина просто засыпает, предоставляя действовать женщине, от нее же он получает помощь и мудрые советы. В.И. Мильдон приходит к выводу: «...то, что в России женщина может быть охранителем мужа, а

шире, и самой жизни – это не столько пережиток матриархальных отношений, сколько устойчивая практика» [6, с. 138].

Значимое положение женщины освящено как языческой (архаический образ «матери-сырой земли» как центра культа плодородия [7]), так и православной традицией (известно, что в России культ Богородицы, как заступницы людей перед Богом, был развит значительно сильнее, чем на Западе).

Петр действительно выводит в свет женщин из высшего света. Прежде всего это проявилось в феномене ассамблей, которые призваны были стать одним из главных средств рекламы и распространения европеизированного образа жизни. Здесь прослеживается прагматическое начало, столь свойственное деятельности царя-реформатора. На ассамблеи следовало вывозить молодых девушек, дабы они имели возможность составить себе партию в более свободном порядке, нежели это было принято ранее. С одной стороны, в этом проявлялась забота Петра о государственной пользе, так как, по его мнению, семья, созданная не по согласию, живет плохо и, главное, бедно [5, с. 149]. С другой стороны, здесь можно увидеть отголоски личного негативного опыта Петра, когда-то ожененного против воли. Хотя последнее опять-таки не повлияло на поведение Петра в отношении собственных детей, браки которых составлялись исходя из государственных соображений – служение Отечеству прежде всего.

Что же касается символической стороны культуры, то Петр перенимает женский аллегорический язык двора Людовика XIV. Наряду с Геркулесом, Персеем и Марсом, символизировавшими военную победу, Венера и Минерва, а также многочисленные женщины вокруг монарха символизировали победу в сфере любви, красоты и цивилизации [8, с. 86]. Здесь удивительным образом переплелись архаические пласты и новейшие культурные веяния. В ранних обществах одним из важнейших атрибутов легитимации вождя являлась физическая, и в том числе сексуальная, мощь. Эта архаическая черта связи власти и секса сохраняется вплоть до наших дней. И именно эта черта отражалась в обилии сексуальных походов европейских монархов, и Петра в том числе.

Но важной является и культурная форма рационализации этой архаической черты. Женские образы петровского барокко стали аналогами новой европейской культуры. Венера и Минерва несли в себе западную неоплатоническую концепцию любви, сочетающую красоту, силу и мудрость [8, с. 87]. Более того, здесь снова переплетаются частные и государственные пласты. Существует барельеф, где Петр изображен в качестве Пигмалиона, ваяющего Галатею-Россию с внешностью Екатерины [9]. Россия вновь предстает здесь в облике женщины.

Женщины в эту эпоху получают больше свободы собственной публичной репрезентации, но в то же время они, как и все население России, невзирая на социальное происхождение, были поставлены в жесткие рамки служения государству. Ассамблеи и другие публичные празднования были не только способом раскрепощения, но и тяжелой беспрекословной обязанностью. Ф. Берхгольц сообщает чрезвычайно показательную историю, связанную с празднованием мира со Швецией в 1721 г. Тех, кто не явился на этот праздник, собрали в здании сената через неделю и напоили до бесчувствия, причем среди этих несчастных было около тридцати придворных дам [10, с. 553]. Таким образом, вовлечение женщин в общественную жизнь сопровождалось не только расширением прав, но и ростом обязанностей.

Однако, вовлекая женщин в общественную жизнь, Петр отнюдь не обеспечил им доступ к политическим институтам и государственной службе. За исключением единичных случаев (Е.Р. Воронцова-Дашкова – президент Академии наук в годы правления Екатерины II), как до петровской эпохи, так и после, женщины были отстранены от государственной машины. Однако это как раз тот случай, когда не стоит видеть в гендерных различиях только негативное отношение к женщинам. Ю.М. Лотман справедливо отмечает, что недопущение к службе одновременно делало женщин в определенной мере более свободными, нежели мужчин, так как выводило их за рамки господства-подчинения в государственной иерархии. Он сопоставляет юридическую степень социальной защиты русской женщины-дворянки (рассматривая, правда, более поздний период – николаевскую эпоху) с защищенностью иностранца в России – фактически всякий, кто выходит за пределы чиновничье-бюрократического мира ранга и мундира – «иностранец» [11, с. 223]. Здесь можно сделать интересное предположение по поводу вопроса, заданного Ю.М. Лотманом, на который сам он не дает однозначного ответа – почему женщины в событиях декабризма вели себя смелее, чем многие мужчины? Известно, что родственники и знакомые часто отворачивались от декабристов, тогда как их жены явили ярчайший пример мужества, разделив с ними их участь, несмотря на то, что имели возможность избежать этого. Ю.М. Лотман отмечает, что фактически после восстания декабристов в николаевской России появилось целое поколение зажатых, нерешительных мужчин – ведь цвет их был арестован и сослан в Сибирь [11, с. 222]. Можно предположить, что причина тому – именно глубокая включенность мужчин в государственную иерархическую систему господства-подчинения и традиционная завязанность их представлений на общественный успех и карьеру, тогда как мир женщины – семья и дом. Факти-

чески и в ссылке женщина сохраняла основы своей идентичности – оставалась любящей женой при любимом муже, тогда как мужчина во многом терял смысл своего существования, будучи исключен из общественных связей.

Пожалуй, самый яркий феномен, дорогу которому открыла петровская эпоха, – это женское правление в России, продолжавшееся большую часть XVIII в. До Петра такое явление было фактически немислимим, хотя, как и во многих других случаях, и здесь изменения начались еще в XVII в. Достаточно взглянуть на такие фигуры, как мать Петра Наталья Нарышкина или его сводная сестра Софья, чтобы понять, что серьезные сдвиги в общественном сознании имели место уже накануне петровской эпохи. Наталья Кирилловна, принадлежавшая к клану Нарышкиных, славившихся своими «западническими» вкусами, позволяла себе такие вызывающие поступки, как езда в повозке с открытыми окнами или устройство домашних театральных представлений. Еще более показательным является феномен царевны Софьи. Сумев воспользоваться сложившейся политической обстановкой, она на несколько лет стала фактически полновластной правительницей страны, причем, по отзывам многих исследователей, а также и некоторых современников (например Б.И. Куракина), весьма одаренной. Важно отметить, что царевна опиралась на поддержку стрельцов и ряда политических деятелей, в чьих глазах ее пол не являлся непреодолимым препятствием для властных амбиций. Однако именно судьба Софьи наглядно демонстрирует, что русское общество конца XVII в. еще не было готово к изменению мужского лика власти – в ситуации обострения конфликта элита государства сделала выбор в пользу Петра, олицетворявшего традиционный образ властителя-мужчины. В годы своего правления Петр подчеркнуто активно утверждает этот образ.

Однако после его смерти ситуация коренным образом меняется. «Птенцы гнезда Петрова» нуждались в закреплении своего положения, для чего, естественно, больше всего подходил ближайший родственник покойного царя. Не оставив после себя наследника мужского пола, Петр спровоцировал передачу престола женщине – своей жене. А далее для гвардии, ставшей в середине XVIII в. главной политической силой в стране, женский вариант власти мог казаться более удобным из-за ожидаемой от женщины уступчивости и зависимости. В этом плане интересными кажутся выкладки Р.С. Уортмана, который считает вполне закономерным появление на престоле женщин в послепетровскую эпоху. По его мнению, только женщины могли на подсознательном уровне представляться новой элите, возведенной на вершины власти рукою царя-реформатора, одновременно абсолютно верными западному наследию Петра и в то

же время избавлять от страха перед возвращением разрушительной энергии Петра [8, с. 100]. Екатерина I полностью подходила на эту роль. Именно ее низкое происхождение давало повод сподвижникам Петра, поднявшимся из низов, ассоциировать ее возвышение с петровским переустройством России. Кроме того, личные качества Екатерины вполне отвечали тому положению, которое даровала ей судьба: она была красива, обходительна, часто выступала в качестве заступницы за провинившихся перед ее царственным супругом (это качество пересекалось с традиционным для Руси представлением о роли Девы Марии как заступницы перед лицом Христа), полностью предана европеизаторской политике Петра. Р.С. Уортман отмечает: «Монархиня сочетала в себе верность петровской модели героизма и жертвенности (пример – поведение Екатерины во время Прутского похода – ей приписывали авторство плана действий, благодаря которым Петр избежал плена после поражения под Прутом. – *О.М.*) с элегантною и вкусом, символизирующим теперь высшие ценности Запада» [8, с. 101].

Государство XVIII в. было системой совместного господства монарха, чья личная власть не ограничивалась никакими институтами, и дворянства, игравшего преобладающую роль в бюрократии и правившего в своих поместьях наподобие государя. В этой системе термин «общее благо» стал означать обеспечение интересов дворянства. Петровский светский, рационалистический сценарий власти был перестроен с тем, чтобы выразить гармонию между государем и дворянством. Если авторитет Петра соответствовал образу лидера-завоевателя, по словам Р.С. Уортмана [8, с. 120], то русские императрицы XVIII в. были воплощением консервативного правления последней стадии абсолютизма (характерный пример такого правления – Версаль Людовика XIV). Не задаваясь целью вести дворянство к самоотверженным свершениям, императрицы сохраняли свое положение в стабильной системе, манипулируя взаимоотношениями знатных родов, распределяя почести и искусно пользуясь интригой и страхом.

Показательно, что хотя Елизавета Петровна и ее окружение вспоминали с уважением об эпохе петровских преобразований, но мысль о ее возврате внушала им ужас. «Они выиграли от успешного петровского акта завоевания и не имели повода жаждать другого такого акта» [8, с. 149]. Подтверждение сказанного можно найти в работе А.Б. Каменского [12]. Рассматривая судьбы российских реформ на протяжении XVIII в., исследователь отмечает неверность представления о существовании периодов контрреформ, подчеркивая, что активные всплески новаций закономерно сменялись более спокойными периодами проверки и «утраца-

ния» наработанного опыта без однозначного негативного к нему отношения.

Однако, несмотря на столь значительную продолжительность правления императриц, женский лик российской власти так и не стал столь же укорененным, каким являлся мужской. Показатель этого – ярко выраженные черты перевернутых отношений при дворе русских императриц. Известно, что Елизавета любила наряжаться в мужские костюмы и ездить верхом по-мужски. Эти же привычки усвоила и Екатерина II: по ее программе разыгрывались интимные маскарады в Зимнем дворце, где все женщины были в мужских костюмах, а мужчины – в дамских [11, с. 208]. Это явление имеет два важных смысла. С одной стороны, оно показывает, что мир власти по-прежнему оставался мужским, и, чтобы укорениться в нем, даже самые прославленные императрицы избирали мужской стиль поведения. Об этом же говорит усвоенная ими модель сексуальной свободы, которая только отчасти была отражением окружавшей их свободы нравов эпохи Просвещения. Особенно показательный пример – есть сведения, что Екатерина не только очень любила показываться на людях в гвардейском мундире, но и частенько развлекалась, преследуя молодых дам (!) [8, с. 154].

С другой стороны, подобное поведение вписывается в ряд известных с архаических времен способов выпуска «гендерного пара». В частности, у африканских племен существовали особые религиозные обряды и ритуалы, обычно проводившиеся в определенные точки календарных перемен, чтобы обеспечить плодородие земли и скота, или в моменты опасности, угрожавшей благополучию семьи и общины (засуха, голод, болезни, эпизоотии). Считалось, что мужчины, которые занимали ключевое положение в социальной структуре, каким-то образом вызвали неудовольствие богов или предков, нарушили равновесие между общиной и природой. И, соответственно, совершались особые ритуалы перемены статуса, когда мужчины временно складывали с себя свои функции, а женщины перехватывали их роли и власть. Африканки надевали мужские одежды, занимались чисто мужским делом – пасли скот, символически узурпировали оружие, снаряжение и стиль поведения мужчин вообще, патриархов и вождей в частности [13, с. 98].

Цель таких ритуалов – снять напряжение между полами, восстановить нарушенное равновесие в природе и обществе, заменить реальные чувства недовольства, соперничества и противоборства шуточными, маскарадными.

Примерно то же самое происходит и при дворе русских императриц. Сообщается, что рослые Орловы и Потемкин выглядели в женских платьях комично, даже униженно [11, с. 208], – и это при

том, что все-таки именно мужчины создавали славу века Екатерины Великой. То есть путем пародийного снижения Екатерина самоутверждалась в своей роли единовластной правительницы великой империи. Таким образом, в игровой форме преодолевался один из фундаментальных стереотипов русского сознания – олицетворение власти с могущественной фигурой мужчины-царя, т.е. как и в классическом случае перевернутых отношений – карнавале, описанном М.М. Бахтиным, эта черта женского правления в России носила компенсаторный характер преодоления неуверенности в себе. Это отражает и специфику русской ситуации – великим правительницам западных держав, таким как Елизавета Английская, не было необходимости в следовании мужскому стилю поведения.

Нельзя не обратить внимание и на то, что именно Екатерина II, немка по рождению, а не русские Анна Иоанновна и Елизавета, сумела создать наиболее успешный вариант женского правления, так как она, представительница европейской цивилизации, получила подпитку западной рациональности, позволявшей ей выбирать и принимать удачные решения и легче чувствовать себя в ситуации нарушения традиционных для русского общества норм.

Русские женщины в XVIII в. прошли весьма значительный путь. Во многом они обязаны этим ре-

формам Петра Великого, однако основные результаты проявились позже – в конце столетия и даже в начале следующего. Это выход знатных женщин в свет, появление женского образования при Екатерине II, приобщение к элитарным формам культуры, выработанным ранее западной цивилизацией (субкультура великосветских кокеток). Декабристы, цвет русского дворянства, были воспитаны прежде всего дома, своими матерями. Но специфика русских процессов реформирования (ориентированных прежде всего на военные и политические вопросы) такова, что женщины по-прежнему, несмотря на столь яркое явление, как женское правление, оставались отрезанными от общественных, и прежде всего властных, сфер, великие русские императрицы не стали первыми феминистками, выстраивая свою политику мужскими методами и мужскими руками. К тому же и женщины, получившие образование, не были востребованы обществом в ту эпоху, женское образование стало лишь демонстрацией престижа. Это иллюстрирует четкую привязанность «женского вопроса» к историко-культурным реалиям конкретной эпохи.

Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства образования РФ на проведение молодыми учеными научных исследований в ведущих научно-педагогических коллективах 2002-2004 гг.

Литература

1. Эриксон Э. Детство и общество. СПб., 2000.
2. Лефstrand Э. Петр Великий и русские женщины // Царь Петр и король Карл. М., 1999.
3. Анисимов Е.В. Петр Великий // Там же. М., 1999.
4. Хорни К. Невротическая личность нашего времени. Самоанализ. М., 2000.
5. Пушкарева Н.Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.). М., 1997.
6. Мильдон В.И. «Сказка – ложь...» (вечно женственное на русской земле) // Вопр. философии. 2001. № 5.
7. Домников С.Д. Мать-земля и Царь-город (Россия как традиционное общество). М., 2002.
8. Уортман Р.С. Сценарии власти (Мифы и церемонии русской монархии от Петра Великого до смерти Николая I). М., 2002.
9. Матвеев В.Ю. К истории возникновения и развития сюжета «Петр I, высекающий статую России» // Культура и искусство России XVIII века. Л., 1981.
10. Живов В.М. Культурные реформы в системе преобразований Петра I // Из истории русской культуры. Т. 3 (XVII – начало XVIII века). М., 2000.
11. Лотман Ю.М. Очерки по истории русской культуры XVIII – начала XIX века // Там же. Т. 4 (XVIII – начало XIX века). М., 2000.
12. Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М., 2001.
13. Ксенофонтова Н.А. Африканки. М., 1999.

Ю.М. Гончаров

ГОРОДСКИЕ ПРАЗДНИКИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В СЕРЕДИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Алтайский государственный университет

Праздники всегда играли большую роль в жизни общества, отвлекая от череды повседневности, служа средством общения и развлечения, способствуя формированию и укреплению общности людей [1, с. 9].

Городская праздничная культура в значительной степени отличалась от сельской, крестьянской. Перемещение традиционных земледельческих праздников в городские условия не могло не сказаться на их характере. В атмосфере города такие существен-